

Религиоведение. 2020. № 2. С. 23–28
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 2. P. 23–28.

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.2.23-28

Шахматова Е.В.

*Российский институт театрального искусства – ГИТИС
1250009, Россия, Москва, Малый Кисловский пер., 6
Elena.Shahmatova@gmail.com*

Антропософское движение в советский период: власть и художественная интеллигенция

Аннотация. В статье рассматривается трагическая судьба русской художественной интеллигенции в первые годы советской власти на примере расправы с антропософским движением в России: закрытие «Русского антропософского общества» (1923), «Дело 27 антропософов» (1931), коснувшееся писателя Андрея Белого и его близких, входивших в Ломоносовскую группу. Антропософия имела большое количество сторонников, мечтавших о духовной революции и не приемлющих репрессивные методы диктатуры пролетариата. Андрей Белый по материалам дела был признан идеологом антисоветской группы антропософов, ставящей конечной целью своей деятельности изменение существующего строя и реставрацию капитализма в СССР. В период «оттепели» антропософия возрождается, благодаря отдельным энтузиастам, а за год до распада СССР, в декабре 1990 г., в Москве была зарегистрирована Международная общественная организация «Антропософское Общество в России» (АОР). Духовная наука Р. Штейнера вышла из вынужденного забвения. Антропософия связана с расцветом русской культуры Серебряного века. Её влияние на искусство и литературу этой эпохи ещё не осознано в полной мере, а катакомбный советский период и возрождение в 60-е годы только начинают изучаться.

Ключевые слова: Рудольф Штейнер, Русское антропософское общество, власть и интеллигенция, Андрей Белый, дело антропософов

Elena V. Shakhmatova

*Russian Institute of Theatre Arts – GITIS
6 Maly Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 1250009
Elena.Shahmatova@gmail.com*

Anthroposophical Movement in the Soviet Period: the Authorities and Artistic Intelligentsia

Abstract. The article reveals the tragic fate of the Russian artistic intelligentsia in the early years of Soviet power on the example of the massacre of the anthroposophical movement in Russia: the closure of the “Russian Anthroposophical Society” (1923), “The Case of 27 Anthroposophists” (1931), which concerned the writer Andrei Bely and his relatives who were the members of Lomonosov group. Anthroposophy had a large number of supporters who dreamed of a spiritual revolution and who did not accept the repressive methods of the dictatorship of the proletariat. Andrei Bely, according to the materials of the case, was recognized as the ideologue of the anti-Soviet anthroposophical group, which set as the ultimate goal of his activity the change of the existing system and the restoration of capitalism in the USSR. During the “thaw” period, anthroposophy is being revived thanks to individual enthusiasts, and a year before the collapse of the USSR in December 1990, the International Public Organization Anthroposophical Society in Russia (AOP) was registered in Moscow. The spiritual science of R. Steiner emerged from forced oblivion. Anthroposophy is associated with the flourishing of the Russian culture of the Silver Age. Its influence on the art and literature of this era has not yet been fully realized, and the catacomb Soviet period and revival in the 60s are just beginning to be studied.

Key words: Rudolf Steiner, Russian Anthroposophical Society, power and intelligentsia, Andrei Bely, case of anthroposophists

Увлечение антропософскими идеями Р. Штейнера испытали многие известные деятели культуры России. Его лекции были столь популярны у художественно-интеллектуальной элиты Серебряного века, что среди слушателей можно было встретить и маститых литераторов, и начинающих поэтов, художников, музыкантов, известных философов и просто любопытных. Антропософией в той или иной мере интересовались Н. Бердяев, Н. Лосский, Г. Флоровский, Б. Вышеславцев, В. Зеньковский, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Э. Метнер, М. Цветаева, В. Кандинский, М. Чехов, А. Скрябин, Р. Глиэр и многие другие.

Антропософия – «наука о духе», способ сверхчувственного познания мира через познание человеком самого себя – предлагала своим adeptам при помощи специальных методик возможность управления интуитивным творческим процессом. Антропософия была особенно притягательна для творческой интеллигенции. Распространение идей Р. Штейнера в России началось ещё в 1906 г., когда Д. Мережковский и Н. Минский вернулись с теософского конгресса в Париже.

Рудольф Штейнер (1861–1925) был избран в 1902 г. секретарём немецкого отделения Теософского общества, а в 1912 г. он вместе с учениками заявил о выделении антропософской группы. В России среди сторонников теософии формируется устойчивый интерес к антропософскому движению. Приглашению Р. Штейнера в Россию воспрепятствовал Святейший Синод, и тогда в столице Финляндии Гельсингфорсе для русских слушателей в сезон 1912–1913 гг. были организованы специальные курсы. Этому способствовал и тот факт, что его ближайшей ученицей, а с 1914 г. – женой была Мария фон Сиверс, русская по происхождению, дочь генерала царской армии. В лекциях Р. Штейнер говорил об особой миссии России, о том, что «русская народная душа обладает неизмеримыми глубинами и возможностями для будущего» [Штейнер, 2013, 19]. Для многих представителей художественно-интеллектуальной элиты Серебряного века антропософия и личность Р. Штейнера стали до такой степени значимым моментом в процессе духовного роста, что накануне Первой мировой войны они трудились на строительстве Гётеанума, антропософского храма в Дорнахе (Швейцария). Среди них были [Renata von Maydell, 1997, 160] поэт и художник Максимилиан Волошин и его первая жена, художница Маргарита Сабашникова; поэт Андрей Белый и сёстры Тургеневы (Ася – спутница А. Белого – и Наталья со своим мужем, юристом А. М. Поццо); переводчик Алексей Петровский и историк культуры Трифон Трапезников; поэт-символист Эллис (*Лев Львович Кобылинский*) и Борис Павлович Григоров со своей супругой, сёстры Ильины и др.

В России возникают многочисленные кружки по изучению трудов Р. Штейнера, а 20 сентября 1913 г. (в день закладки краеугольного камня будущего антропософского храма Гётеанума в Дорнахе) в Москве было основано Русское антропософское общество (РАО). По воспоминаниям участников тех событий, на торжественном собрании присутствовало более 100 человек. Официально общество просуществовало до 1923 г., когда новая власть приступила к ликвидации всех объединений и организаций, представляющих собой опасное инакомыслие. 3 августа 1922 г. вышло постановление ВЦИК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и надзора за ними». Было понятно, что о получении разрешения на дальнейшую деятельность в ситуации, когда советская власть начала активную борьбу за ликвидацию свободы мысли, следует забыть.

В августе 1921 г. по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева» был расстрелян Николай Гумилев. Умер Александр Блок, которого не выпустили на лечение за границу. Правоохранительные органы уже вели активную подготовку насильственной высылки за границу интеллигенции, вошедшей в историю под названием «Философский пароход».

По воспоминаниям одной из участниц РАО М.Н. Жемчужниковой, члены общества решали дилемму, как поступить в сложившейся обстановке: прекратить деятельность или доказать, что «антропософия не враждебна советской власти, она видит величие её задач» [Жемчужникова, 1988].

Необходимые справки были собраны и отправлены по инстанциям. Ответ властей был отрицательный. Р. Штейнер советовал своим сторонникам временно

отказаться от какой-либо общественной деятельности, сохраняя при этом дух учения в беседах с близкими друзьями и помнить о том, что миссия русских антропософов и русской нации заключается в духовном преобразовании Европы [Rzeczyska, 2017, 49–57].

Участники антропософского движения пытались ещё некоторое время предпринимать попытки неофициальных действий, объединившись для этого в Вольное содружество духовных течений, куда входили Христианский студенческий союз, анархисты и толстовцы. У толстовцев имелась вегетарианская столовая в Газетном переулке, где и проходили встречи искателей духовного обновления. Но это «содружество» просуществовало не более года. Вегетарианская столовая была закрыта. Власть насильственными методами внедряла единую идеологию. Волны арестов в 1927 и 1931 гг. привели к тому, что антропософские собрания практически прекратились. Разгром антропософского движения сопровождался конфискацией имущества, архивов и книг, которые в 1930-е гг. продавались на Западе.

В 1931 г., как отмечалось в докладе Секретно-политического отдела ОГПУ «Об антисоветской деятельности интеллигенции», «в Москве была вскрыта подпольная организация антропософов, состоявшая, главным образом, из педагогов средней и низшей школы и нескольких библ[иотечных] работников» [Власть, 1999, 162].

«Дело антропософов» серьёзнейшим образом коснулось судьбы писателя Андрея Белого [Спивак, 2002, 262–340; Спивак, 2006, 366–422]. В апреле 1931 г. вместе со своей гражданской женой К.Н. Васильевой он переехал из подмосковного Кучино в Детское Село (бывшее Царское) в надежде, что сможет сосредоточиться на творческой работе. Но в ночь на 30 мая Клавдия Николаевна была арестована и препровождена в Москву, на Лубянку. Так началась очередная идеологическая зачистка. В окружении А. Белого было много людей, причастных к антропософии. Арестовали почти всех: Клавдию Николаевну, её официального мужа – П.Н. Васильева, сестру – Е.Н. Кезельман и др. В московскую квартиру, где хранился архив писателя, нагрянули с обыском представители правоохранительных органов. Они конфисковали сундук, в котором хранились рукописи, неопубликованные заметки и наброски, дневниковые записи, увезли даже пишущую машинку.

А. Белый тотчас написал А. М. Горькому с просьбой о срочном вмешательстве. Ходатайствовал перед Е.П. Пешковой о содействии через возглавляемую ею организацию «Помощь политическим заключённым» (1922–1937). Обратился он и к Всеволоду Мейерхольду, который организовал ему встречу с влиятельным лицом на Лубянке, следователем Я.С. Аграновым, «курировавшим» интеллигенцию (он руководил «делом В.Н. Таганцева» и был причастен к расстрелу Н. Гумилёва). Писатель задавался вопросом: если приехали за Клавдией Николаевной, почему не за ним? Он не знал, что по материалам дела его признали идеологом антисоветской группы антропософов, ставящей конечной целью своей деятельности изменение существующего строя и реставрацию капитализма в СССР. Власть решила приберечь козырного туза для другой игры. И если бы А. Белый не умер собственной смертью в 1934 г., то, скорее всего, его имя вошло бы в мартиролог жертв 37 года.

Писатель использовал своё главное оружие – слово – в заявлениях «В коллегиям ОГПУ» и прокурору ОГПУ Р.П. Катаняну. Он предлагал следствию ознакомиться с изъятой у него рукописью «Почему я стал символистом», где изложил думы о судьбах западного Антропософского общества, в рядах которого он состоял в 1912–1916 годах. А. Белый, вернувшись из Дорнаха, вошёл в состав РАО, легально существовавшего при советском строе до 1923 г. А. Белый «решительно ставил на вид», что Антропософское общество занималось культурой, искусством и наукой, а не политикой.

По делу №27006 на процессе 1931 г. проходило 27 человек, обвинённых в участии в нелегальной контрреволюционной организации антропософов по политическим статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР. В ходатайстве к Е.П. Пешковой А. Белый приложил список своих друзей, в котором было указано 9 фамилий бывших членов, так называемой Ломоносовской группы антропософов, за политическую благонадежность которых он поручился [По делу, 1931].

10 июля А. Белый подал старшему помощнику прокурора Верховного Суда СССР по специальным делам Р.П. Катаняну заявление [Из «секретных» фондов,

1993, 357–360], в котором старательно разъяснял свою позицию по отношению к «Международному антропософскому обществу». Он настаивал на том, что настрой в Дорнахе, где строилось здание «Гётеанума», «был резко революционен по отношению к мировой войне, что вызвало ряд неприятностей, подозрений <...> со стороны контр-разведок Антанты, Германии и даже нейтральной Швейцарии». Он подчёркивал своеобразие русской антропософии, приводил конкретные примеры положительного отношения многих антропософов к Октябрьской революции и выражал категорическое несогласие с официальной оценкой. Писатель резко критиковал статью в «Советской Энциклопедии», согласно которой антропософия была представлена как «выявление германского милитаризма». Он приводил факты травли Р. Штейнера и сожжения «Гётеанума» и ручался за своих близких друзей. Он просил приобщить это заявление к делу об антропософах и считал своим долгом отвести клевету как от стиля деятельности Р. Штейнера, так и от своих арестованных друзей, бывших членов Русского антропософского общества.

Поступок Андрея Белого вызывает уважение. Писатель ощущал себя без вины виноватым, единственным из антропософов, оставленным на свободе, в то время как все его друзья оказались в застенках ОГПУ. Он сделал всё, что было в его силах. Своим авторитетом, заступничеством известных лиц, заявлениями в органы власти он пытался повлиять на следствие и объяснить, что преследование антропософов за политическое инакомыслие – это следствие незнания литературы Р. Штейнера и специфики деятельности общества. Он готов был разделить участь Клавдии Николаевны и отправиться вместе с ней на поселение. В связи с этим его очень волновали финансовые проблемы и он всячески пытался вернуть архив и печатную машинку. Машинка была единственной ценной вещью, которую можно было продать, и эти деньги могли стать «фондом устройства где-нибудь вдаль, куда, может быть попадёт Клавдия Николаевна, а за ней – я. <...> Мейерхольд уже обещал мне её приобрести для театра», – писал он П.Н. Зайцеву [Зайцев, 2008, 299, 302], поручая ему тягостные хлопоты по вызволению из недр ОГПУ машинки № 2017 системы «SMS».

В начале июля Васильевых освободили под подписку о невыезде для оформления юридических формальностей, поскольку К.Н. Васильева официально не являлась женой Андрея Белого. Через две недели после освобождения, 18 июля 1931 г., в районный ЗАГС отправились трое: Клавдия Николаевна и двое мужчин, П.Н. Васильев и А. Белый. В тот же день был оформлен развод с первым мужем и зарегистрирован брак Клавдии Николаевны с гражданином Бугаевым Борисом Николаевичем (и она стала Бугаевой). Семейная коллизия была, таким образом, разрешена, и позднее А. Белый мрачно шутил, что их поженило ОГПУ. Однако, согласно подписке о невыезде, Клавдия Николаевна, хотя и стала официальной женой А. Белого, должна была оставаться по месту прописки, т.е. в Москве. Эту проблему, несмотря на несколько заявлений в ОГПУ и писем в прокуратуру, решить не удавалось. И тогда Андрей Белый предпринял отчаянную попытку написать самому И.В. Сталину. В письме к вождю от 31 августа 1931 г. он напрямую обратился с «горестным вопросом»: неужели итог его тридцатилетней литературной деятельности должен сводиться к постоянной борьбе за существование? Писатель сетовал на постоянные придирки к своим произведениям, задержку публикаций, отсутствие материального вознаграждения. И случай с женой на этом фоне он оценивал для себя как трагедию [Демин, 2007, 386–388].

Столь решительные действия возымели положительный результат. Клавдии Николаевне разрешили выезд за пределы Москвы, и «молодожёны» наконец-то смогли вернуться в Детское Село. Андрей Белый в результате борьбы с Левиафаном слёг с сердечным приступом.

Не всем так повезло, как К.Н. Васильевой и её бывшему мужу, которым «три года ограничения проживания с прикреплением» заменили условным сроком. 8 сентября 1931 г. по делу антропософов был оглашён приговор. Так, например, её сестра Елена Николаевна Кезельман оказалась на 3 года «прикреплённой» к г. Лебедянь. «Три года ограничения проживания с прикреплением» получили также Н.С. Клименкова, Л.В. Каликина, Е.Н. Краснушкина. К трём годам ссылки приговорили П.Н. Зайцева, Е.В. Невейнову, М.А. Твердову, О.Н. Аненкову (последней ссылку

заменяли на ограничение проживания). А друга юности со студенческих времён, активного члена кружка «аргонавтов» и «Мусагета», на момент ареста – сотрудника Румянцевской библиотеки, А.С. Петровского, отправили на три года в исправительно-трудовые лагеря на строительство Беломор-канала. Такая суровая мера наказания из двадцати семи осуждённых коснулась двоих, которых власть позиционировала как руководителей, – А.С. Петровского, и Б.П. Григорова, первого председателя РАО.

С М.Н. Жемчужниковой, автором «Воспоминаний об антропософском обществе», система играла в «кошки-мышки». Её арестовали позднее, в апреле 1933 г., потом выпустили, затем снова арестовали в 1935 г. и отправили в ссылку в Марийскую область на 3 года. В 1937 г. приговорили к десяти годам лагерей, затем снизили срок до пяти лет. В 1952 г. её арестовали как «повторницу» и отправили на вечное поселение в Новосибирскую обл. В 1956 г. она была реабилитирована по делу 1937 г. и поселилась в Москве, где и прожила до конца своей жизни, т.е. до 1987 г.

А вот Юлиану Константиновичу Шуцкому (1897–1938), известному востоковеду, переводчику классической китайской «Книги перемен», активному деятелю ленинградской группы, увлечение антропософией и причастность к анархо-мистической организации «Орден тамплиеров» стоило жизни. В августе 1937 г. он был арестован по обвинению в «шпионаже», осуждён на «десять лет лагерей без права переписки», что означало смертный приговор, реабилитирован посмертно в 1958 г. [Из обзорной справки, 2003, 304–306]. Так государственная власть расправилась с Российским антропософским обществом.

В период «оттепели» антропософская деятельность постепенно возрождается. Первую группу в середине 60-х организовал Г.А. Бондарев – автор многочисленных трудов по антропософии, ставших доступными читателям в эпоху перестройки [Бондарев, 1996]. Среди сторонников антропософии встречаются имена кинорежиссёра Андрея Тарковского, писателя и политика Звиада Гамсахурдия. В 1970–1980-е гг. зачинателем многих антропософских инициатив становится А.А. Демидов: до 1989 г. просуществовала руководимая им группа у Марии Александровны Скрябиной, дочери композитора, также входившей в число пострадавших 27 антропософов. До регистрации Антропософского общества в России её квартира фактически являлась главным антропософским центром.

В декабре 1990 г. в Москве состоялось Учредительное собрание, а затем была зарегистрирована Международная общественная организация «Антропософское Общество в России» (АОР) как член Всеобщего антропософского общества (ВАО) с центром в Гётеануме (Дорнах, Швейцария). Духовная наука Р. Штейнера вышла из вынужденного забвения.

Библиографический список

1. Бондарев, Г.А. О положении в Антропософском обществе [Электронный ресурс] / Г.А. Бондарев // Приложение к двухтомнику «Антропософия на скрещении оккультно-политических течений современности». – М., 1996. – URL: <http://rudolf-steiner.ru/50000018/1612.html> / (дата обращения 6.11.2018).
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. – М.: Международный фонд «Демократия», 1999. – 871 с.
3. Дёмин, В.Н. Андрей Белый / В.Н. Дёмин. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 413 с.
4. Жемчужникова, М.Н. Воспоминания о московском антропософском обществе [Электронный ресурс] / М.Н. Жемчужникова // Минувшее. Исторический альманах. – Париж, 1988. – Вып. 6. – URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=6701/> (дата обращения 10.12.2018).
5. Зайцев, П.Н. Воспоминания / П.Н. Зайцев. – М.: НЛО, 2008. – 750 с.
6. Из обзорной справки по архследделу П-404162 на Шуцкого Ю.К. / Мистические общества и ордена в Советской России. В 5 тт. / Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л. Никитина. – М.: Минувшее, 2003. – Т. 2. Орден Российских тамплиеров. Документы 1930–1944 гг. – 376 с.
7. Из «секретных» фондов в СССР. Публикация Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. – М., СПб.: АТНЕНУМ-Феникс, 1993. – Вып. 12. – 521 с.

8. По делу об «антропософах» – Пешковой Е.П. Список и письмо А. Белого от 7 августа 1931 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/001848.pdf / (дата обращения 8.01.2019).
9. Спивак, М. Андрей Белый в следственном деле антропософов / М. Спивак // Лица: Биографический альманах 9. – СПб.: Феникс, 2002. – 572 с.
10. Спивак, М. Андрей Белый – мистик и советский писатель / М. Спивак. – М.: РГГУ, 2006. – 577 с.
11. Штейнер, Р. О России. Из лекций разных лет / Р. Штейнер. – СПб.: Ключи, 2013. – 464 с.
12. Maydell, R. Anthroposophy in Russia [Электронный ресурс] / Renata von Maydell // The occult in Russia and soviet culture. – N.Y.: Cornell University Press, 1997. – P. 153–167. – URL: https://books.google.ru/books?id=Kumg5iYYkWkC&pg=PA153&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false (дата обращения 07.02.2019).
13. Rzczycka, M. Esoteric Mythologies in Action: Images and Symbols of Russian Anthroposophic Historiography (From Ludvig A. Novikov's archive) / Monica Rzczycka // Studia Humanistyczne Agn. – 2017. – T. 16/4.

Текст поступил в редакцию 02.12.2019.

Принят к публикации 03.02.2020.

Опубликован 30.06.2020.

References

1. Bondarev G.A. *O polozhenii v Antroposofskom obshchestve* [On the Position in the Anthroposophy Society]. Available at: <http://rudolf-steiner.ru/50000018/1612.html/> (accessed on November 6, 2018) (in Russian).
2. *Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP(b)-VKP(b), VChK-OGPU-NKVD o kul'turnoj politike 1917–1953 gg.* [Authorities and Artistic Clerisy. Documents of CC RCP(b)-AUCP(b), Cheka-USPD-NKVD]. Moscow: Mezhdunarodnyj fond “Demokratija”, 1999, 871 p. (in Russian).
3. Djomin V.N. *Andrei Belyj*. Moscow: Molodaja gvardija, 2007, 413 p. (in Russian).
4. *Zhemchuzhnikova M.N. Minuvshee. Istoricheskij al'manah* [The Past. Historical Almanac]. Paris, 1988, vol. 6. Available at: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=6701/> (accessed on December 10, 2018) (in Russian).
5. Zajcev P.N. *Vospominanija* [Memories]. Moscow: NLO, 2008, 750 p. (in Russian).
6. *Misticheskie obshhestva i ordena v Sovetskoj Rossii. T. 2. Orden Rossijskikh tamplierov. Dokumenty 1930–1944 gg.* [Mystic Communities and Orders in Soviet Russia. Vol. 2. The Russian Order of Knight Templars. Documents of 1930–1940]. Moscow: Minuvshee, 2003, 376 p. (in Russian).
7. *Minuvshee. Istoricheskij al'manah* [The Past. Historical Almanac]. Moscow, St. Petersburg: ATHENEUM-Feniks, 1993, vol. 12, 521 p. (in Russian).
8. *Po delu ob “antroposofah” – Peshkovej E.P. Spisok i pis'mo A. Belogo ot 7 avgusta 1931 g.* [On the Case of “Anthroposophists” – Peshkova E.P. The List and Letter of A. Bely, August 7, 1931]. Available at: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/001848.pdf / (accessed on January 8, 2019) (in Russian).
9. Spivak M. *Lica: Biograficheskij al'manah 9* [Faces: Bibliographical Almanac 9]. St. Petersburg: Feniks Publ., 2002, 572 p. (in Russian).
10. Spivak M. *Andrej Belyj – mistik i sovetskij pisatel'* [Andrey Bely – A Mystic and Soviet Writer]. Moscow: RGGU, 2006, 577 p. (in Russian).
11. Steiner R. *O Rossii. Iz lekcij raznyh let* [About Russia. From Lectures of Different Years]. St. Petersburg: Kljuchi Publ., 2013, 464 p. (in Russian).
12. Maydell R. *The Occult in Russia and Soviet Culture*. NY.: Cornell University Press, 1997. Available at: https://books.google.ru/books?id=Kumg5iYYkWkC&pg=PA153&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false (accessed on February 07, 2019) (in English).
13. Rzczycka M. Esoteric Mythologies in Action: Images and Symbols of Russian Anthroposophic Historiography (From Ludvig A. Novikov's archive). *Studia Humanistyczne Agn.* Vol 16/4, 2017 (in English).

Submitted for publication: December 2, 2019.

Accepted for publication: February 3, 2020.

Published: June 30, 2020.